

УДК 81'367.626 (местоимения, ссылка на каталог) / 81'367.7 (синтаксическая роль и использование различных частей речи и грамматических категорий)
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-88-101

СУБЪЕКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТОИМЕНИЙ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Милованова М.С., Шамсутдинова Р.Р.

*Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современного функционирования местоимений, связанные с процессами субстантивации и предикативации местоименной лексики (включая фразеологизмы с местоименным компонентом), которые относятся к явлениям переходности в области частей речи. Основанием для перехода может быть назван субъективный потенциал местоимений, вытекающий из их категориального значения, а именно из их абстрактной семантической природы. Субъективность местоимений проявляется в их непосредственном отношении к речевому акту, к фигуре говорящего, что позволяет конкретизировать их семантику в условиях речевой ситуации. В результате перехода местоименная лексика может занимать положение в центре другой части речи (*не по себе, ничего*), на периферии (*ничего, не в себе, я, себя*), в зоне синкретизма (*я, ты, себя, весь из себя, весь такой*).

Ключевые слова: местоимения, субъективность, явления переходности, субстантивация, предикативация.

SUBJECTIVE POTENTIAL OF PRONOUNS AND THEIR FUNCTIONING IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

M. Milovanova, R. Shamsutdinova

*Pushkin State Russian Language Institute
6, Ak. Volgina st., Moscow, 117485, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the features of modern functioning of pronouns associated with the processes of substantivation and predicativation of the pronoun vocabulary (including phraseological units with a pronominal component), which relate to the phenomena of transposition in parts of speech. The basis for the transposition can be called the subjective potential of pronouns, arising from their categorical meaning, namely from their abstract semantic nature. The subjectivity of pronouns manifests itself in their direct relation to the speech act, to the figure of the speaker, which allows us to specify their semantics in the context of the speech situation. As a result of the transposition, the pronominal vocabulary can occupy a position in the center of another part of speech (*не по себе, ничего*), on the periphery (*ничего, не в себе, я, себя*), in the syncretism zone (*я, ты, себя, весь из себя, весь такой*).

Key words: pronouns, subjectivity, the phenomena of transposition, substantivation, predicativation.

Местоимения представляют собой уникальный класс слов, который характеризуется семантическим своеобразием, обусловленным абстрактной природой реализуемого ими значения. «Слова означающие» [19, с. 5], «слова указующие» [11, с. 3], местоимения – это «арсенал смысловых абстракций, заключённых в языке в целом» [19, с. 8]. Отсутствие вещественного значения делает местоимения семантически ёмкими и позволяет им наполняться конкретным содержанием непосредственно в условиях речевого акта. Не случайно Л.Ю. Максимов отмечал: «Самые абстрактные в языке слова – местоимения – в речи, в конкретном предложении, в конкретной ситуации становятся самыми определёнными словами» [цит. по: 6, с. 70]. Таким образом, в силу того, что местоимения, по мысли А.М. Пешковского, «имеют субъективно-объективное значение, т. е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чём он мыслит» [10, с. 154], связь местоимений с позицией говорящего становится очевидной.

Указание на говорящего и на речевой акт [7, с. 27], разноаспектные обозначения говорящего в речевом произведении [17, с. 4] составляют понятие субъективности как следствия характерного для речи эгоцентризма. Центральное положение в речи «я» говорящего, «способность говорящего представлять себя в качестве “субъекта”» [2, с. 293] содействуют формированию обширного поля равноуровневых средств, так или иначе связанных с самовыражением отправителя речи, что в совокупности может быть представлено в виде семантической категории субъективности. В.В. Химик

определяет категорию субъективности следующим образом: это «семантико-прагматическая категория, объединяющая систему семантических и прагмасемантических полей вокруг главного содержательного ядра – говорящего, “я”, и его субстанционального представления, реального или потенциального, как результата преодоления дистанции между субъектом речи и субъектом сообщаемого факта» [17, с. 374]. В своей ядерной части категория субъективности пересекается с функционально-семантическим полем персональности, которое объединяет средства, выражающие различные варианты отношения к лицу, связи участников обозначаемой ситуации с участниками акта речи [16, с. 5–7], что обусловлено значимостью для обоих образований категории лица и личных местоимений. Последние составляют абсолютный центр категории субъективности, ввиду способности концентрированно представлять основные роли субъекта речи в высказывании относительно других лиц и предметов сообщения [17, с. 366]. В субъективной природе личных местоимений не приходится сомневаться: признанные исследователями эгоцентрические слова, они выстраивают базовую дейктическую систему координат вокруг говорящего. Однако субъективность сосредоточена отнюдь не только в личных местоимениях: субъективность характерна для местоимений в целом как для класса слов, имеющих самое прямое отношение к речевой ситуации в соответствии со своим категориальным значением [20, с. 5–7]. Присущие местоимениям указательность и абстрактность определяют их субъективный характер,

что даёт основания для различных трансформационных процессов, в которые вовлекаются собственно местоименные лексемы и фразеологизмы с местоименными компонентами в современном русском языке.

Грамматически разнородные местоимения обнаруживают некоторые дифференциальные признаки других знаменательных частей речи (существительного, прилагательного, наречия, числительного, категории состояния), что позволяет не распределить их по данным лексико-грамматическим классам, а лишь соотнести с ними. На основании категориальной соотносительности с разными частями речи и разрядового значения (указательность, вопросительность, неопределенность и т. д.) Е.Н. Сидоренко выстраивает свою семантическую классификацию местоимений [13]. Что интересно, ещё Г.П. Павский отмечал возможность подобной категориальной соотносительности местоимений и их абстрактный характер: «... местоимение служит только формой для умственного созерцания и распределения вещей по категориям. Так, например, под оглавление *кто, что* подходят все существительные, под оглавление *какой, чей* – все прилагательные, под оглавление *сколько...* или *который* – все числительные» [цит. по: 3, с. 266].

Соотносительность не означает тождество, а потому местоимения-существительные, в частности, личные местоимения не обладают полным набором грамматических признаков существительного. Так, местоимениям нормально чужды атрибутивные отношения, что отмечается исследователями [17, с. 115; 13, с. 75; 12, с. 35; 10, с. 158]. Признак, как правило, при-

писывается в рамках предикативной связи: *Ты первый сказал мне, что я красивая* (М. Шишкин, Письмовник), *А может он просто блаженный. Да нет, не блаженный, он умный* (Е. Евтушенко, Ягодные места). Атрибутивная подчинительная связь допускается местоимениями как сопутствующая только при наличии предикативной связи: *Он только увидел, как, счастливая, она снова появилась возле своей машины* (В. Маканин, Однодневная война). Тем не менее, фиксируется значительное количество употреблений следующего характера: *Успешный Я* (название серии тренингов для развития детей дошкольного возраста), *Собирайся со мной: «Новая-старая я»* (Макияж и наряд (название видео блогера Osia), *Мой новый стиль! Новая фигура! Новая я!* (название видео блогера Swasti Ji), *Создание образа роковой красотки! НОВАЯ Я на СТС* (программа), *Роскошная Я!* (название группы в социальной сети ВКонтакте), *Новая счастливая ты!* (студии маникюра Лены Лениной), *Люди с течением жизни будут очень серьёзно меняться, для этого уже сейчас есть большие возможности, и, соответственно, под нового тебя тебе нужны новые люди* (А. Цыпкин // Домашний очаг, июнь 2018), *Счастливые дети – счастливая ты* (слоган квартальной программы по приглашению косметической компании «Орифлэйм»), *Навстречу новому себе* (рекламный слоган компании Mitsubishi Motors), *В поисках нового себя* (название книги коуча Елены Агафоновой), *Боль – как путь к себе настоящей* (название видео на канале коуча Ирины Норны), *Встреча с настоящим собой! Матрица-перезагрузка тренинг на райском острове!* (рекламный ролик

тренинга). Способность местоимения сочетаться с определением говорит об актуализации предметной семы в его значении и, следовательно, о происходящем процессе субстантивации [6, с. 78], востребованность которого в современной речи подтверждает обнаруженный речевой материал.

Субъективность и абстрактность личных и возвратного местоимений при субстантивации позволяют одновременно обобщить и конкретизировать адресата высказывания. Сообщение адресуется всем и каждому как отдельно взятой личности одновременно. Особняком в данном случае стоят словоупотребления, использованные в названиях видеозаписей блогеров, когда я наполняется однозначным содержанием, соотносясь с конкретным денотатом – автором видео. Примеры типа *Успешный Я*, *Роскошная Я* характеризуются единовременной обобщённостью / конкретизацией сообщаемого факта: ‘пройдя тренинг, именно я (каждый) смогу стать успешным’; ‘присоединившись к группе, я (одна из многих) утверждаю свою привлекательность’. Подобное употребление местоимений может быть расценено как приём интимизации (особенно в случаях употребления местоимения *ты*), когда отправитель речи, обращаясь ко многим, стремится показать уникальность каждого адресата и привлечь тем самым его внимание. Примеры, включающие неточечное возвратное местоимение *себя*, характеризуются наибольшей степенью обобщённости. Что важно, большая часть подобных примеров обнаружена в названиях видеозаписей, журнальных статей и интернет-публикаций, а также в рекламе.

Субстантивированные местоимения в контекстах типа *счастливая ты* занимают положение в зоне синкретизма, совмещая в себе характерные для местоимений семы абстрактности и указательности и актуализированную в указанных синтаксических условиях сему предметности, свойственную существительным. Движение местоимений по шкале переходности в данном случае может выглядеть следующим образом: местоимение (предикативные отношения): *Ты счастливая, у тебя каждый день все сначала* (Е. Завершнева, Высотка) / местоимение (основные предикативные отношения, сопутствующие атрибутивные отношения): *Счастливая, ты всегда любила тех, кто был тебе нужен* (Э. Радзинский, Княжна Тараканова) / субстантивированное местоимение (атрибутивные отношения, актуализация семы предметности; здесь же местоимения могут функционировать и в качестве дополнения и синкретичных второстепенных членов предложения с объектным значением): *Новая счастливая ты!* Соответственно, для местоимения *я* примеры типа *Новая я!* в названии видео блогера могут составить следующее звено перехода, для возвратного местоимения *себя* промежуточное звено (наличие обособленного определения) опускается в силу того, что возвратное местоимение не может выполнять функцию подлежащего и вступать в субъектно-предикатные отношения, однако возможны две ступени конкретизации (обобщённость / конкретизация – закрепление за конкретным денотатом).

Другой процесс, который охватывает местоимения, – предикативация – переход местоимений в категорию

состояния. Среди местоимений есть лексемы, которые соотносятся с предикативами, это слова *каково, таково* [13, с. 111]. Именно местоимение *каково* Н.Ю. Шведова ставит в качестве местоименного исхода во главу языкового смысла «состояние» [19, с. 158–163]. Кроме того, выделяется группа прономинально-предикативных контаминантов, объединяющих признаки местоимений и слов категории состояния: *некого, нечего* (в косвенных падежах), *негде, некуда, неоткуда, некогда, незачем, неотчего* [13, с. 106–107]. Однако фиксируются и случаи непосредственно перехода, которые задействуют как местоименную лексику, так и ряд местоименных фразеологизмов. Предпосылками для перехода вновь становятся абстрактность и вытекающая из неё субъективность местоимений. Рассматривая историческое развитие категории состояния, в частности, пополнение класса за счёт существительных, В.М. Панфилов обращал внимание на то, что одним из оснований для перехода является абстрактный характер транспонируемых существительных [9, с. 8], что также актуально и для местоимений. При переходе изначальная абстрактность местоименной семантики сохраняется, в результате чего в условиях речевого акта говорящий может уточнять оттенок испытываемого состояния (ср. *Я – особа нервная и отнюдь не героического нрава, была просто вне себя от ужаса* (Н. Воронель, Без прикрас. Воспоминания) / *А он-то воображал – она будет вне себя от радости, что он приехал* (В. Панова, Володя)), что говорит о субъективном характере сообщаемого факта. Е.М. Вольф отмечала, что «состояния субъективны по

своей природе» [4, с. 324]. Интересен в этом отношении следующий пример, содержащий в себе типичные слова категории состояния, который отражает субъективную интерпретацию состояния объективной реальности участниками речевой ситуации, а именно перенос одним из них внутреннего физического состояния на состояние окружающей среды: – *Вот это всё – неважно... Мне надо тебе сказать... кое-что... Пойдём в комнату, холодно...*

Холодно не было, было тепло. Должно быть, её знобило. Снотворное, кофе, нервы... (В. Белоусова, Второй выстрел).

Условием для перехода местоимений и местоименных фразеологизмов является синтаксическая функция предиката [1]. Что важно, объём категории состояния понимается нами следующим образом: ядро данной части речи составляют безлично-предикативные слова, выполняющие функцию предиката безличного предложения, на периферии фигурируют предложно-падежные сочетания и идиоматическая лексика, играющие роль сказуемого двусоставного предложения [8]. Таким образом, транспонируемая местоименная лексика употребляется в предложениях указанных типов. Рассмотрим несколько случаев.

Интересное функционирование в области категории состояния показывает отрицательно-обобщающее местоимение *ничего*. *Ничего* представляет собой омокомплекс, в который наряду с указанным местоимением входят ещё четыре функциональных омонима: неизменяемое прилагательное, слово категории состояния, наречие и частица [5]. Русский семантический

словарь отмечает неизменяемость данного местоимения и указывает: «то же, что ничто (разг.)», где последнее трактуется как «ни один предмет, ни одно явление» [11, с. 16], что позволяет говорить о семантике отрицания бытия, существования чего-либо, реализуемой местоимением *ничего*. Однако и здесь есть место для конкретизации абстрактного отрицания: отрицанию могут подлежать разные явления (ср. *У меня тут **ничего** нет – ни пижамы, ни бритвы...* (И. Грекова, Перелом) – отрицание наличия предметов / – *Я **ничего** не знал, – быстро ответил он зачем-то* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей) – отрицание наличия информации), что ставит отрицание в зависимость от ситуации и говорящего. Кроме того, *ничего* демонстрирует субъективность восприятия объективной действительности разными субъектами: *Осторожно, ступеньки...* – *Я **ничего** не вижу...* – *Я вижу* (Д. Биленкин, Космический бог).

Отправной точкой перехода *ничего* в категорию состояния является функционирование данной лексемы в качестве сказуемого двусоставного предложения, когда *ничего* может быть охарактеризовано как неизменяемое прилагательное: *Голос у него был **ничего**, терпимый* (М. Палей, Дань саламандре). В таком употреблении актуализируется сильная оценочная сема, что свидетельствует о субъективном отношении говорящего к предмету высказывания, однородное сказуемое *терпимый* помогает конкретизировать оценку. Движение по шкале переходности от *ничего*-прилагательного до *ничего*-предикатива происходит в рамках общего поля субъективности, где оцениваемый признак с точки зре-

ния говорящего характеризуется как постоянный (прилагательное) либо как ситуативный, временный (категория состояния). Промежуточное положение могут занимать предложения с неопределённым субъектом (*оно, всё, это*): *Просто ты забыла многое. Это **ничего**...* *Врач сказал, всё восстановится* (А. Жвалевский, Е. Пастернак, *Время всегда хорошее*).

В категории состояния *ничего* обнаруживает ряд возможных употреблений, связанных с разными синтаксическими условиями. *Ничего* может выполнять роль сказуемого двусоставного предложения, обозначая временное состояние субъекта высказывания как относительно положительное по мнению говорящего: *Она обняла его у порога, в глаза глядела, улыбаясь хитро. – Вы, Александр Михалыч, сегодня **ничего**. Бодры* (В. Ремизов, *Воля вольная*). – *Как жизнь молодая? – Не жалуюсь, дядя Миша. – Мать как? – Мама **ничего**, болеет всё, – ответил, улыбаясь, Родька* (Ф. Абрамов, *Дом*). Что важно, обозначая состояние лица, *ничего* очень часто употребляется в неполных двусоставных предложениях: – *Как ты там? – **Ничего**...* – *немножко удивленно проговорил Феррапонт* (В. Токарева, *Своя правда*). Состояние субъекта может выражаться и в рамках типичной для категории состояния модели безличного предложения. Если в предыдущих случаях актуализировался как субъект, так и его состояние, то в данном больший акцент делается на состоянии: *И особенно тяжело было в первый год. Николаю Алексеевичу ещё **ничего** было, он был постарше. А его шестнадцатилетней Иринушке, должно быть, круто при-*

ходилась (Ф. Сологуб, Помнишь, не забудешь).

Функционирование *ничего* в безличном предложении позволяет расширить реализуемую им семантику состояния до состояния окружающей среды (в пространственном и временном смысле): *Совсем ничего было бы в церкви, если б не приходилось так долго стоять* (И. Грекова, Фазан). *Как похолодало-то резко. Утром ещё ничего было* (А. Маринина, А. Горкин, Шестикрылый серафим). Кроме того, в безличном предложении возможно совмещение семантики состояния субъекта и оценки ситуации в целом: *У мамы ноги болят. Раньше ещё ничего было. А три дня назад – после похорон – почти совсем отнялись* (М. Трауб, Нам выходить на следующей). Таким образом, *ничего* демонстрирует плавное движение по направлению к центру категории состояния, функционируя в зависимости от разных синтаксических условий и в качестве ядерной, и в качестве периферийной единицы, реализующей семантику состояния.

Особую группу представляют местоименные фразеологизмы со стержневым компонентом *себя*, функционирующие на разных уровнях категории состояния. Возвратное местоимение *себя* в данном случае играет ключевую роль: оно «служит для обозначения направленности действия на самого производителя действия» [11, с. 16] – в нашем случае состояния. Следовательно, местоимение *себя* замыкает внимание субъекта на себе, который воспринимает себя же как точку отсчёта при оценке испытываемого или наблюдаемого состояния. При этом *себя* становится своего рода нормой, в то время

как фразеологизмы описывают различные от неё отклонения.

Фразеологическая единица *не по себе* занимает положение в ядре категории состояния, выполняя функцию предиката безличного предложения. Контекст помогает конкретизировать оттенки состояния субъекта: *Как-то мне было не по себе, и даже больше того... да, пожалуй, мне было страшно* (В. Белоусова, Второй выстрел). *Ходить так – взад-вперёд – даже понравилось, это отвлекало, давало занятие ногам. И он припомнил, как когда-то, ещё мальчишкой, впервые увидел в зоопарке медведя, вот так же расхаживавшего в своей клетке туда-сюда. Тогда он пожалел косолапого бедолагу: видно, очень уж ему не по себе, коль мечется целыми часами. А теперь не в таком же ли положении и сам. В клетке* (В. Быков, Бедные люди). В первом случае состояние расценивается как страх, во втором – как тревога. Современное употребление данного фразеологизма демонстрирует результат связанного с изменением синтаксических условий диахронного перехода оборота с периферии категории состояния в её центр: речевые примеры позапрошлого столетия фиксируют употребление оборота в личной конструкции, этот же вариант с пометой «устар.» приводится и в Большом академическом словаре [14, с. 273]: *Видно ты что-нибудь не по себе? Видно страшный сон испугал тебя?* (Н.А. Полевой, Клятва при гробе Господнем). Вероятно, сильная сема состояния и регулярное функционирование оборота в безличной конструкции способствовали его переходу в ядро категории состояния.

На периферии данной части речи функционирует местоименный фразеологический оборот *не в себе*, в основе которого лежит пространственная метафора. Осознание говорящим себя как пространства, за пределы которого можно «выйти», особенно ощущается в следующих примерах: – *Ты что, Игорь Владимирович? Не в себе?* – *В себе* (Т. Устинова, Большое зло и мелкие пакости). *Очень точное выражение, между прочим. Именно так: не в себе, а где-то снаружи, сбоку, в некотором удалении от собственных выводов и поступков* (В. Белоусова, Второй выстрел). В одинаковых синтаксических условиях – в позиции предиката двусоставного предложения – оборот *не в себе* в зависимости от контекста может занимать место на периферии прилагательного, обозначая постоянный признак, либо на периферии категории состояния, указывая на временное, преходящее состояние: *Сидит у меня в нервном отделе один субъект. Не то чтобы он полностью сумасшедший, но всё-таки не в себе* (В. Пьецух, Русские анекдоты) – *Извините, но я сегодня не в себе* (П. Акимов, Плата за страх). Обозначая состояние субъекта, *не в себе* может занимать и позицию определения: *Заявление написано ясно, отчётливо и собственноручно. Да, может, собственноручно (а может – и нет). Но человеком явно не в себе, в стрессе, в отчаянии* (С. Ландау, На краю круга девятого). В этом примере проявляется интересное сочетание дифференциальных признаков прилагательного и категории состояния: синтаксической функции определения и семы временного состояния, что явно смещает оборот в зону синкретизма. Кроме

того, сохраняется местоименная абстрактность, позволяющая говорящему субъективно трактовать оттенки состояния. Об этом говорят и другие примеры: – *Не в себе она сегодня: мошкара, говорит, заела* (К. Бадигин, Секрет государственной важности). *Дочь плакала... Муж тоже не в себе. Не в своей тарелке. Твой звонок внёс в нашу жизнь ненужное смятение* (Т. Набатникова, День рождения кошки). *Зина с утра была не в себе – чёрные глаза так и буйствовали* (И. Грекова, Перелом). *Вот ситуация! Понимаю, что люди не в себе, что им сейчас море по колено* (Г. Горин, Когда горит душа). Темпоральные локализаторы могут способствовать смещению оборота в зону синкретизма: с одной стороны, субъект испытывает временное, с другой стороны, достаточно продолжительное состояние: *Все обошлось, хотя ещё с полгода юноша был не в себе: рыдал, топал ногами, пробовал уморить себя голодом, помышлял о побеге, о мщении...* (С. Лурье, Поступки, побуждения, слова). Позиция дуплексива – члена предложения с двойной связью – также выводит фразеологизм в зону синкретизма ввиду изменения синтаксических условий и смещения акцента на действие: *Да и из комнаты Катя выходила явно не в себе, будто только проснулась и, что к чему, ещё не понимает* (В. Шаров, Воскрешение Лазаря). *Он прибежал не в себе. Потому что один тип оглушил его: «Вы говорите про Таню?..»* (Ю. Трифонов, Время и место). В приведённых примерах оборот играет роль дуплексива с атрибутивно-обстоятельственным значением сопутствующего состояния [18], которое характеризует субъект только в момент совершения обозна-

чаемого действия, а значит, является временным. Кроме того, актуализации временного признака-состояния способствуют контекст и грамматические характеристики глаголов, выполняющих функцию сказуемого: конкретно-процессное значение глагола несовершенного вида *выходила* и конкретно-фактическое значение глагола совершенного вида *прибежал*. Несколько иная картина наблюдается в контекстах с десемантизированным глаголом, представляющим собой вещественную связку [18], входящую в состав составного именного сказуемого: семантический центр тяжести здесь сдвигается на именную часть, выражающую состояние субъекта: *Миша Попов последнее время ходил не в себе* (С. Каледин, Записки гробокопателя). Таким образом, местоименный оборот *не в себе*, фигурируя в качестве периферийной единицы категории состояния, нередко смещается в зону синкретизма, однако сохраняет при этом сему состояния, которое может субъективно интерпретироваться говорящим как разные оттенки ненормального состояния. *Переждав минутки две за водостоком, позволив догнать себя, Векшин яростно вернулся назад и вбежал в ближайшую подворотню. Там действительно обнаружился человек, и он ни чуточки не сопротивлялся, когда Векшин схватил его обмякшие, выше локтя, руки в свои, железные. Домовый фонарь светил поблизости... и сразу отлегло от сердца. Нет, не враг, а свой в доску, до гроба верный товарищ, сам Бабкин, стоял перед ним, тараща знакомые, чуть навывкате с испугу глаза, кстати, одетый как-то не по сезону легкомысленно и **весь** вроде **не в себе*** (Л. Леонов, Вор). Так, указан-

ный случай демонстрирует наложение смыслов, когда семантика состояния ненормы представляется исчерпывающей, охватывающей всего субъекта, благодаря использованию местоимения *весь*, являющегося важным компонентом нескольких местоименных фразеологизмов.

Местоимение *весь*, означающее всеобщность, всеохватность, может указывать на полноту, исчерпанность или интенсивность признака или состояния [19, с. 8; 11, с. 23], что проявляется в оборотах *весь из себя* и *весь такой*. Данные фразеологизмы обнаруживают максимальную абстрактность семантики, позволяющую говорящему использовать их при необходимости указания на чрезмерное, исключительное проявление состояния в самых различных контекстах. Большой фразеологический словарь русского языка трактует *весь из себя* как «целиком и полностью, слишком. Имеется в виду проявление в полной мере какого-л. качества, свойства, признака и под.» [15, с. 136]. Схожей семантикой обладает и *весь такой*, где указательное местоимение *такой* может субъективно наполняться разным смыслом, но в целом будет указывать на некоторое особенное состояние / характеристику субъекта: достаточно вспомнить ставшую классикой цитату из кинофильма «Покровские ворота»: *Я вся такая внезапная, такая противоречивая вся...* Этот пример показывает две важные особенности данного оборота (равно как и оборота *весь из себя*): во-первых, будучи компонентом составного именного сказуемого двусоставного предложения, он согласуется с субъектом в роде и числе, следовательно, не является неизменяемым и не может переохо-

дить в категорию состояния как часть речи (учитывая структуру оборотов, *весь из себя*, благодаря застывшему неизменяемому компоненту *из себя*, формально ближе к категории состояния, нежели полностью изменяемый *весь такой*), во-вторых, при указанных фразеологизмах нередко используются слова-конкретизаторы в силу обобщённого характера семантики (ср. самостоятельное употребление оборота при парцелляции: *Короче, новенькая у них. Вся из себя. Вроде твой к ней неровно дышит* (С. Шаргунов, Фоторобот Евы)). Что важно, оба оборота обнаруживают контексты, тяготеющие как к прилагательному, так и к категории состояния, однако первое как постоянный признак более частотно для *весь из себя*, в то время как второе – для *весь такой*, чаще указывающего на сиюминутное особенное состояние. На наш взгляд, картина движения данных оборотов в частеречном пространстве может быть представлена следующим образом.

Весь из себя: Иногда мне начинает казаться, что любить-то они меня, конечно, любят. И жалеют. Абсолютно искренне. А вот постоянные похвалы: *какая я, дескать, вся из себя стойкая, мужественная и кроткая – это наверняка ради моральной поддержки* (Н. Катерли, Дневник сломанной куклы) – постоянный признак, фразеологизм тяготеет к имени прилагательному / *И тут явилась не запылилась я, вся из себя молодая, обаятельная, привлекательная, и возраст – сорок – «раскалённая пустыня»* (Л. Иванова, Искренне ваша грешница) – смешение семантических признаков: постоянный признак субъекта актуализируется, «подсвечивается» в рамках

контекста / – *Смотрю... Дорохов! – рассказывал взхлеб Шепетуха, ничего, как глухарь, вокруг себя не замечая. – Но уже в форме и весь из себя фронт-франтом. С чего бы, думаю, ты так вырядился? Надо поглядеть!* (Н. Дежнев, Год бродячей собаки) – актуализируется временный признак, оборот тяготеет к категории состояния.

Весь такой: – *Ты высокий, красивый, плечи у тебя широкие, руки сильные... Но ты весь такой лёгкий, что мне просто страшно! Ты, по-моему, не на самолете можешь в Барселону лететь, а просто так...* (А. Берсенева, Полёт над разлукой) – субъективно выделенный постоянный признак субъекта, фразеологизм тяготеет к имени прилагательному / *Она всё так же молча смотрела на меня. Она была вся такая летняя, загорелая, белая с короткими рукавами трикотажная кофточка – мелкими васильками. К серым её глазам. Так хорошеет женщина, когда она влюблена* (Г. Бакланов, Мой генерал) – актуализируется временный признак, оборот тяготеет к категории состояния.

Стоит отметить частотность употребления оборота *весь такой* в совокупности со словами-конкретизаторами в обособленных конструкциях (1) и в позиции дуплексива (2), актуализирующих сему ситуативного признака-состояния: (1) *Меня спрашивают: «Кем работаете?» А я стою, вся такая в белых сапогах, говорю: «Доцент». И тишина гробовая* (О. Андреева, Человек, которого нельзя называть. Краткий курс борьбы за справедливость). (2) *Я дверь открыла, а он стоит передо мной весь такой в дублёнке и в норковой шапке* (А. Геласимов, Жанна). *Я иду вся такая с виду приличная жен-*

щина с испанской внешностью, а на самом деле я только что написала подметное письмо или опустила в замочную скважину соседей несколько молодых клопов (Г. Щербакова, Дивны дела Твои, Господи...).

Любопытны случаи комбинирования данных фразеологизмов, когда говорящий стремится показать максимальную чрезмерность описываемого признака-состояния (1) или постоянного признака, актуального в рамках контекста, (2), иронично его оценивая: (1) *Подилёпывает Белобрюх, **весь из себя такой** милый ребёнок* (М. Петросян, Дом, в котором). (2) *Я-то и так знаю, что позади Садовая, и аптека Гаевского на углу, а чуть правее моего затылка – Воронцов. Генерал-губернатор Новороссийского края. Стоит себе в сквере **весь такой из себя** бронзовый на пьедестале из крымского диорита и в ус не дует* (Т. Соломатина, Мой одесский язык). Итак, несмотря на благоприятные семантические предпосылки – абстрактность значения и обусловленную ею субъективность – и синтаксические условия, обороты *весь из себя* и *весь такой* ввиду сохранения дифференциального признака прилагательного – способности согласовываться с субъектом в роде и числе – функционируют в зоне синкретизма между прилагательными и категорией состояния, при этом *весь из себя* больше тяготеет к прилагательным (ред-

ки случаи актуализации временного признака-состояния), а *весь такой* – к словам категории состояния, чаще «подсвечивая» актуальный признак-состояние.

Таким образом, субъективность как непосредственная связь с речевым актом, с позицией говорящего характерна для местоимений, что обусловлено их категориальным значением, прежде всего, отсутствием вещественного значения, абстрактностью, благодаря чему говорящий может разделять их конкретным, ситуативным содержанием. Субъективный потенциал местоимений позволяет данным лексическим единицам расширять свои «полномочия» и активно перемещаться в частеречном пространстве, в результате чего в современном русском языке отмечаются интересные случаи субстантивации и предикативации как собственно местоимений, так и местоимённых фразеологизмов. Подобный процесс создаёт динамику в области частей речи, в связи с чем можно наблюдать как «веерные» переходы (*ничего*), так и функционирование на определённых уровнях других частей речи (*не по себе, не в себе; я, себя* в случае второго этапа конкретизации) и в зоне синкретизма (*я, ты, себя, весь из себя, весь такой*).

Статья поступила в редакцию 07.09.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: Монография. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
4. Вольф Е.М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов / отв. ред. О.Н. Селивёрстова. М.: Наука, 1982. С. 320–339.

5. Высоцкая И.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова «НИЧЕГО»: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993. 210 с.
6. Высоцкая И.В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности: монография. Новосибирск: Новосибирский педагогический государственный университет, 2009. 192 с.
7. Гуревич В.В. О «субъективном» компоненте языковой семантики // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 27–35.
8. Милованова М.С. Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 4–10.
9. Панфилов В.М. К истории развития категории состояния, или предикативов, в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1961. 22 с.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
11. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Институт русского языка; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I: Слова указующие (местоимения) / Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М.: Азбуковник, 2002. XXV, 807 с.
12. Селивёрстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
13. Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. Киев; Одесса: Лыбидь, 1990. 148 с.
14. Словарь современного русского литературного языка / под ред. В.И. Чернышёва. Т. 13. С–сняться. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. 757 с.
15. Телия В.Н., Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2014. 784 с.
16. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / А.В. Бондарко и др.; отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991. 371 с.
17. Химик В.В. Категория субъективности в русском языке: Эгоцентрический потенциал субъектных компонентов высказывания: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1991. 391 с.
18. Чеснокова Л.Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. Ростов-на-Дону, 1973 [Электронный ресурс] // GenLing.ru: Общее языкознание : [сайт] URL: <http://genling.ru/books/item/f00/s00/z0000015/index.shtml> (дата обращения: 28.07.2018).
19. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
20. Шелякин М.А. Русские местоимения: значение, грамматические формы, употребление. Тарту: Тартуский государственный университет, 1986. 91 с.

REFERENCES

1. Babaitseva V.V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka [The phenomenon of transition in the grammar of the Russian language]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 640 p.
2. Benvenist E. Obshchaya lingvistika [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p.
3. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 720 p.
4. Vol'f E.M. [Condition and symptoms. Assessment of the conditions]. In: Semanticheskie tipy predikatov [Semantic types of predicates]. Moscow, Nauka Publ., 1982. pp. 320–339.

5. Vysotskaya I.V. Morfologicheskii status i sintaksicheskie funktsii slova "NICHEGO": dis. ... kand. filol. nauk [Morphological status and syntactic function of the word "NOTHING": PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1993. 210 p.
6. Vysotskaya I.V. Substantivatsiya v svete teorii sinkhronnoi perekhodnosti [The substantivation in the light of the theory of synchronous transition]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2009. 192 p.
7. Gurevich V.V. [On the "subjective" component of language semantics]. In: Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the study of language], 1998, no. 1, pp. 27–35.
8. Milovanova M.S. [Language and World: lexical fund of the category of state in modern Russian]. In: Russkii yazyk za rubezhom [Russian Language Abroad], 2018, no. 3, pp. 4–10.
9. Panfilov V.M. K istorii razvitiya kategorii sostoyaniya, ili predikativov, v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [To the history of the development of the category of state, or predicatives, in Russian: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Krasnoyarsk, 1961. 22 p.
10. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 544 p.
11. Shvedova N.Yu., chief ed. Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii. T. I: Slova ukazuyushchie (mestoimeniya) / Slova imenyushchie: Imena sushchestvitel'nye (Vse zhivoe. Zemlya. Kosmos) [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings. Vol. I: Words indicating (pronouns) / Words calling: Nouns (All living things, Earth., Cosmos)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. XXV. 807 p.
12. Seliverstova O.N. Mestoimeniya v yazyke i rechi [Pronouns in language and speech]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 151 p.
13. Sidorenko E.N. Ocherki po teorii mestoimenii sovremennogo russkogo yazyka [Essays on the theory of the pronouns of modern Russian language]. Kiev; Odessa, Lybid' Publ., 1990. 148 p.
14. Chernyshev V.I., ed. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 13. S–snyat'sya [Dictionary of the modern Russian literary language. Vol. 13. S–snyat'sya]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1962. 757 p.
15. Teliya V.N., Gudkov D.B., Kovshova M.L. Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka [The big phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, AST-Press Publ., 2014. 784 p.
16. Bondarko A.V., chief ed. Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost' [The theory of functional grammar. Personality. Voices]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. 371 p.
17. Khimik V.V. Kategoriya sub»ektivnosti v russkom yazyke: Egotsentricheskii potentsial sub»ektnykh komponentov vyskazyvaniya: dis. ... dokt. filol. nauk [Subjectivity category in Russian: The egocentric potential of the subjective components of the utterance: D. thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 1991. 391 p.
18. Chesnokova L.D. [Semantic types of sentence members with double relations]. In: GenLing.ru: Obshchee yazykoznanie [GenLing.ru: General linguistics]. Available at: <http://genling.ru/books/item/f00/s00/z0000015/index.shtml> (accessed: 28.07.2018).
19. Shvedova N.Yu. Mestoimenie i smysl: Klass russkikh mestoimenii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva [Pronoun and meaning: The class of Russian pronouns and the semantic spaces they open]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. 176 p.

20. Shelyakin M.A. Russkie mestoimeniya: znachenie, grammaticheskie formy, upotreblenie [Russian pronouns: meaning, grammatical forms, usage]. Tartu, Tartu State University Publ., 1986. 91 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Милованова Мария Станиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина;
e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute.

Шамсутдинова Регина Ринатовна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина;
e-mail: RRShamsutdinova@pushkin.institute.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria S. Milovanova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Russian and General Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

Regina R. Shamsutdinova – postgraduate student at the Department of the Russian and General Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: RRShamsutdinova@pushkin.institute

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Милованова М.С., Шамсутдинова Р.Р. Субъективный потенциал местоимений и их функционирование в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 88–101.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-88-101

FOR CITATION

Milovanova M.S. Shamsutdinova R.R. Subjective potential of pronouns and their functioning in the modern Russian language. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 88–101.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-88-101